

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.851

Dmitry Alekseevich Sirotnin

Senior lecturer of the Department of Criminalistics,
Rostov Branch of the St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee
Rostov-on-Don, Russian Federation
Sd-8775123131@yandex.ru

Дмитрий Алексеевич Сиротинин

старший преподаватель кафедры криминалистики,
Ростовский филиал Санкт-Петербургской Академии
Следственного комитета
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Sd-8775123131@yandex.ru

СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСТАНЦИОННОГО ДОПРОСА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых аспектов производства следственных действий с использованием видеоконференцсвязи. Проведено сравнение ряда положений уголовно-процессуальной нормы с первоначальными предложениями в законопроекте, отмечены тенденции апробации. Исследована хронология формирования отраслевой законодательной базы в части легитимизации порядка использования видеоконференцсвязи в досудебном уголовном производстве в сопоставлении с нормативным распространением этой дистанционной технологии в смежных сферах законодательства. Дана оценка практическим возможностям следования действующей процедуре использования видеоконференцсвязи в ходе следственных действий, исходя из значения некоторых понятий, закрепленных в законе. Отмечены сложности реализации организационных, технических и правовых критериев в пределах, сформулированных в новой уголовно-процессуальной норме. Затронуты вопросы фиксации хода и результатов следственного действия как в основной, письменной форме протокола, так и в виде дополнительной формы видеозаписи. На примере гипотетического изменения порядка оформления и подписания протокола допроса, проводимого

с использованием видеоконференцсвязи, продемонстрировано наличие потенциала по усовершенствованию действующей процедуры производства следственного действия в дистанционном формате путем частичного внедрения элементов электронного документооборота с одновременным повышением достоверности и правильности содержания протокола следственного действия «традиционным» способом в виде собственноручного его подписания допрошенным лицом и другими участниками, находящимися вне места производства предварительного расследования. Также на примере смягчения императива обязательности видеозаписи дистанционного следственного действия допущено упрощение порядка его производства с повышением значения иных факторов, обеспечивающих надежность, доступность и простоту реализации потребностей следственных органов в анализируемой сфере.

Ключевые слова: дистанционные технологии, видеоконференцсвязь, цифровизация уголовного судопроизводства, предварительное расследование, досудебное производство по уголовным делам, достоверность показаний, видеозапись допроса, протокол следственного действия, место производства допроса, подтверждение правильности показаний

Для цитирования: Сиротинин Д. А. Сложности и перспективы дистанционного допроса в досудебном уголовном производстве // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4(65). С. 229—233. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.851.

Original article

CHALLENGES AND PROSPECTS OF REMOTE INTERROGATION IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. The article is devoted to the analysis of some aspects of investigative actions using video conferencing. A comparison of a number of provisions of the criminal procedural norms with the initial proposals in the bill is carried out, and testing trends are noted. The chronology of the formation of the sectoral legislative base in terms of legitimizing the use of video conferencing in pre-trial criminal proceedings is studied in comparison with the regulatory spread of this remote technology in related areas of legislation. An assessment is made of the practical possibilities of following the current procedure for using video conferencing during investigative actions, based on the meaning of some concepts enshrined in the law. The difficulties of implementing organizational, technical and legal criteria within the limits formulated in the new criminal procedure norm are noted. The issues of recording the progress and results of investigative actions are

touched upon, both in the main written form of the protocol and in the form of an additional video recording. Using the example of a hypothetical change in the procedure for drawing up and signing an interrogation protocol conducted using video-conferencing, it was demonstrated that there is potential to improve the current procedure for conducting an investigative action in a remote format by partially introducing elements of electronic document management while simultaneously increasing the reliability and correctness of the content of the investigative action protocol “in the traditional” way in the form of a handwritten signature by the interrogated person and other participants located outside the place of the preliminary investigation. Also, using the example of mitigating the imperative of mandatory video recording of remote investigative actions, the procedure for its production was simplified with an increase in the importance of other

factors that ensure reliability, accessibility and ease of implementation of the needs of investigative authorities in the analyzed area.

Keywords: *remote technologies, video conferencing, digitalization of criminal proceedings, preliminary inves-*

tigation, pre-trial criminal proceedings, reliability of testimony, video recording of interrogation, investigative protocol, place of interrogation, confirmation of the correctness of testimony

For citation: Sirotnin D. A. Challenges and prospects of remote interrogation in pre-trial criminal proceedings. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2023;4(65):229—233. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.851.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена существующими сложностями в применении уголовно-процессуальных норм о порядке использования видеоконференцсвязи на досудебной стадии уголовного производства, влияющими на реализацию принципов законодательства о разумных сроках расследования. Необходимость исследования причин и следствий данных процессов и их анализ обусловлены их влиянием на правоприменительную деятельность и совершенствование законодательства, регулирующие общественные отношения в данной сфере.

Изученность проблемы. Обоснование теоретических положений научной статьи базируется на суждениях в научных работах А. Г. Волеводз, А. Г. Халиулина, Т. М. Кебекова, А. В. Борбат, Е. Н. Арестовой, Е. К. Антонович, Л. Н. Масленниковой, Т. Е. Сушиной, Г. Я. Борисевич, Е. В. Селиной и других ученых, анализирующих актуальные аспекты темы через призму научных и практических подходов в их взаимосвязи и возможности реализации.

Целесообразность разработки темы обусловлена возможностью эффективной реализации потребности следственных органов в использовании дистанционных технологий при производстве следственных действий. Внесение в уголовно-процессуальное законодательство дополнений, не обеспечивающих эффективное выполнение предусмотренных ими процедур, влечет сложности в практической деятельности, не способствует формированию единой следственной практики. Анализ и совершенствование таких норм имеют важное научное и прикладное значение.

Научная новизна работы заключается в раскрытии на основе анализа новелл уголовно-процессуального закона точек зрения на пути его совершенствования, не получивших широкого распространения, но являющихся значимыми для своевременной выработки концепций, опирающихся на современные достижения науки и практики.

Цель работы заключается в выявлении и обосновании некоторых организационных, правовых и технических аспектов использования видеоконференцсвязи как дистанционной технологии в уголовном судопроизводстве и их исследование через призму возможности упрощения и доступности при производстве следственных действий по уголовным делам.

Теоретическая значимость работы обусловлена необходимостью выявления новых понятий и определений для применения в уголовно-процессуальном законодательстве, регулирующем порядок использования современных дистанционных технологий в уголовном судопроизводстве. Формирование единой системы терминов и дефиниций будет способствовать укреплению правового института, регулирующего данную сферу общественных отношений, и совершенствованию деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Методы и методология исследования. При написании статьи использовались общие и частные методы научного познания, в т. ч. системный анализ, диалектический метод, функциональный анализ, обобщение, сравнение и др.

Основная часть

В уголовно-процессуальном законодательстве России второй год действует новая норма, регулирующая порядок производства ряда следственных действий с использованием видеоконференцсвязи [1, ст. 189¹]. Закрепление в уголовно-процессуальном праве такой дистанционной технологии, как видеоконференцсвязь, происходило на протяжении двух десятилетий. Начавшаяся применяться в международной практике, она зафиксировалась в российском законодательстве первоначально на стадии судебного следствия [1, ст. 278¹; 2, ст. 1].

Возможность использования видеоконференцсвязи на стадии досудебного производства продолжала неоднократно обсуждаться учеными и практиками. Аргументы в пользу ее развития были разнообразными и обоснованными. В это же время использование видеоконференцсвязи распространилось в судебной практике по гражданским [3, ст. 155¹], арбитражным [4, ст. 153¹] делам и делам иных категорий.

Не получавшая в течение долгих лет нормативную реализацию на стадии предварительного расследования видеоконференцсвязь всё больше становилась актуальной темой исследований. Интенсивность обращения к ней росла. Анализировались практические и научные аспекты этой дистанционной технологии. Необходимость использования видеоконференцсвязи при производстве следственных действий по уголовным делам в своих исследованиях обосновывали А. Г. Волеводз [5, с. 70], А. Г. Халиулин, Т. М. Кебеков [6, с. 29], А. В. Борбат, Е. Н. Арестова [7, с. 16], Е. К. Антонович [8, с. 125], Л. Н. Масленникова, Т. Е. Сушина [9, с. 214], Г. Я. Борисевич [10, с. 610], Е. В. Селина [11, с. 33] и др.

В июне 2021 г. группой сенаторов в Государственную Думу направлен законопроект о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК) РФ, предусматривающий введение возможности производства допросов посредством видеоконференцсвязи [12, ст. 1].

Дистанционное производство следственных действий онлайн призвано предоставить следателям большие возможности в сокращении сроков расследования при одновременном снижении затрачиваемых ресурсов на совершение процессуальных действий и стать эффективным фактором обеспечения соблюдения разумного срока как одного из принципов уголовного судопроизводства. При рассмотрении законопроекта также принималось во внимание, что в виду расширения в обществе взаимодействия посредством дистанционных ресурсов необходимо учитывать потребность такого взаимодействия и в уголовно-процессуальной сфере [13, с. 2].

Результатом прохождения, рассмотрения и принятия законопроекта явился Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Следует отметить, что содержание новой нормы, сформулированной в ст. 189¹ УПК РФ, отличается от первоначально предложенного содержания законопроекта [12, ст. 1]. Так, имевшееся в законопроекте разъяснение понятия «допрос посредством видеоконференцсвязи» в федеральный закон не вошло и, как отмечается многими

исследователями, до настоящего времени понятие «видео-конференцсвязь» ни в УПК РФ, ни в других процессуальных кодексах не легитимировано [14, с. 349].

Существенным отличием содержания новой нормы от законопроекта, значительно влияющим на порядок производства следственного действия, стало изменение места составления протокола. Первоначально предлагалось составлять протокол по месту нахождения допрашиваемого лица, где он его и должен был подписать. Но в этом варианте протокол поступал бы к следователю, проводившему допрос, лишь через несколько дней, требуемых для пересылки документа, что в итоге мало отличало бы этот механизм от допроса по поручению в порядке, предусмотренном ст. 152 УПК РФ. Поэтому в принятой новой норме определено, что протокол составляет следователь, которому поручено производство предварительного расследования, т. е. следователь, который проводит допрос. Однако в результате этого изменения из первоначально предложенного варианта статьи логично исключено подписание протокола допрошенным дистанционно лицом и другими участниками, поскольку они находятся не в месте составления протокола. При этом законодатель не ввел никаких иных требований, направленных на подтверждение ими непосредственно в тексте протокола правильности его содержания. Запись об оглашении протокола удостоверяется подписями в отдельном документе — подписке, составляемой по месту нахождения участников следственного действия вне места производства предварительного расследования. Эта подписка поступает к следователю позже и приобщается им к протоколу допроса.

Безусловно, следует признать юридическую силу такого протокола следственного действия с момента его подписания следователем, т. к. он соответствует требованиям, предусмотренным ст. 166, 167, 170, 189, 190, 192, 193 УПК РФ, а особенность его подписания учитывается ч. 3 ст. 189¹ УПК РФ.

Однако в практическом аспекте складывается ситуация, при которой в распоряжении следователя, осуществляющего предварительное расследование, имеется завершённый в окончательной форме протокол допроса, в котором показания об обстоятельствах, имеющих значение для расследования, не удостоверены допрошенным лицом, а также какими-либо «реквизитами», кроме личной подписи следователя. В свою очередь, в подписке, как документе, ситуация обратная: подписи допрошенного лица и иных участников имеются, а содержание допроса, которое они удостоверяют, отсутствует. Даже после получения позднее подписки и приобщения ее к протоколу допроса содержание и удостоверяющие его реквизиты остаются в разных документах.

Такое соотношение несколько парадоксально и выделяется из сложившейся логически практики удостоверения содержания документов, в т. ч. в сфере уголовного процесса. Следует обратить внимание, что использование столь современной телекоммуникационной технологии, которой является видеоконференцсвязь, и неприменение при этом возможности обмена электронной информацией в виде текста или иного отображения протокола допроса для удостоверения его содержания непосредственно допрошенным лицом и иными участниками следственного действия представляется перспективным направлением совершенствования, имеющим потенциал, в т. ч. в техническом, организационном, процессуальном и научном аспектах развития электронного документооборота в уголовном судопроизводстве на досудебной стадии.

Возможно, с целью дополнительной фиксации и подтверждения достоверности совершенных в таких условиях

процессуальных действий законодателем введена обязательная видеозапись, первоначально не предлагавшаяся в законопроекте. Однако и в этой части есть ряд неоднозначных аспектов.

Так, обычно считается, что видеозапись применяется прежде всего для фиксации хода и результатов следственных действий, а также для обнаружения и изъятия таким способом следов и доказательств [15, с. 374]. Решение о применении видеозаписи обычно оставлено на усмотрение следователя. Лишь в некоторых следственных действиях законодатель определил обязательную видеозапись. Однако при этом подразумеваются определенные критерии, значение которых крайне важно для расследования и может быть утрачено без применения такой формы фиксации, как видеозапись. Например, допрос несовершеннолетнего лица с обязательной видеозаписью обусловлен особенностями, связанными с возрастом несовершеннолетнего, уровнями его развития и владения речью, эмоциональными проявлениями и иными невербальными признаками, которые важны, но не могут быть письменно в полной мере зафиксированы в протоколе допроса. Вместе с тем даже эти значимые критерии законодатель допускает не учитывать, когда несовершеннолетний либо его законный представитель возражают против видеозаписи, и в этом случае она перестает быть обязательной.

Что касается следственных действий с использованием видеоконференцсвязи в порядке ст. 189¹ УПК РФ, то видеозапись обязательна всегда, и исключений не предусмотрено. С учетом этого, данное требование представляется более категоричным, чем аналогичное при допросе несовершеннолетнего лица. Однако исключительные факторы, которые объясняли бы потребность в обязательной видеозаписи, в данной ситуации не усматриваются.

Также при сравнении дистанционного допроса с использованием видеоконференцсвязи и «традиционного» допроса в очном формате мы обратим внимание, что они не имеют принципиальных отличий в тактике, и основная функция допроса, состоящая в получении показаний, реализуется одинаково: путем восприятия вербальной информации, сообщаемой допрашиваемым лицом, и ее отражения в виде письменного текста в протоколе следственного действия. При этом для «традиционного» допроса требований об обязательности видеозаписи нет. На процесс получения устных сведений от допрашиваемого лица и правильную фиксацию их в протоколе допроса дистанционный характер видеоконференцсвязи не влияет, и аудиовизуальная коммуникация участников следственного действия обеспечивается в необходимом для этого качестве передачи информации. Видеозапись же в любой из этих ситуаций, независимо от обязательного либо необязательного характера, является лишь дополнительной формой фиксации.

В некоторой мере, видеозапись в существующем порядке допроса с использованием видеоконференцсвязи (ст. 189¹ УПК РФ) можно рассматривать как форму подтверждения ознакомления с содержанием оглашаемого протокола участников следственного действия (в т. ч. допрошенного лица), которые его не подписывают, т. к. находятся вне места производства предварительного расследования. В случае же совершенствования порядка ознакомления с содержанием протокола путем его направления в электронном виде с непосредственным подписанием участниками следственного действия значение вышеуказанной удостоверительной функции видеозаписи существенно снизится, уступив приоритет процессуальному документу, в связи с чем можно говорить об элиминировании факторов, принципиально обуславливающих обязательный характер видеозаписи.

Такое изменение положения об обязательности видеозаписи существенно упростило бы организацию дистанционного допроса, сохранив общую возможность применения видеозаписи при необходимости, определяемой по усмотрению следователя, исходя из конкретной ситуации, особенностей личности допрашиваемого лица и характера сообщаемых им сведений. Так, не секрет, что сам факт применения видеозаписи в ходе любого допроса может повлиять на поведение участников следственного действия, усилив их эмоциональную напряженность, вызвав волнение, отвлеченность внимания, замкнутость, стеснение, осторожность в подборе слов и выражений, что в свою очередь отрицательно отразится на свободном выражении мыслей и неминуемо нарушит психологический контакт следователя с допрашиваемым лицом [16, с. 2].

Также организационной сложностью производства следственного действия в порядке ст. 189¹ УПК РФ является необходимость использования «систем видеоконференцсвязи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование». Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве разъяснения данного понятия, а также различная ведомственная принадлежность следственных органов и органов дознания позволяют им действовать в пределах имеющихся ведомственных аппаратно-программных возможностей. Также часто имеют значение и территориальные аспекты, обусловленные сферой деятельности операторов, предоставляющих услуги доступа к сети «Интернет» и к программным системам видеоконференцсвязи, разнообразие которых достаточно велико. При этом данные системы могут отличаться уровнями защищенности, протоколами обмена информацией, что представляет сложность интеграции видеотерминалов и видеосерверов, работающих в разных системах. Отсутствие единых требований и рекомендаций для использования указанных возможностей в сфере уголовного судопроизводства зачастую затрудняет принятие следователем решений о производстве следственного действия с использованием видеоконференцсвязи. Конечно, законодатель в ст. 189¹ УПК РФ определил, что такая технология может быть использована «при наличии технической возможности», и при ее отсутствии это обстоятельство позволяет следователю отказаться от такого варианта. Однако этот «технический» критерий не конкретен, тем более он связан с критериями правоты. Так, если предположить, что для обеспечения «технической возможности» два следователя, используя доступное программное обеспечение, установят между своими служебными компьютерами видеоконференцсвязь, то возникнут вопросы о ее соответствии критериям ст. 189¹ УПК РФ и о том, возможно ли считать ее «системой видеоконференцсвязи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование», а также о том, достаточно ли для

этого использовать служебные компьютеры и доступ в сеть «Интернет» по линии коммуникации в помещении следственного органа, и необходимо ли для этого какое-либо документальное подтверждение (лицензия, договор и т. п.).

Отсутствие у следователей однозначных ответов на такие вопросы, предположения о возможных рисках процессуальных ошибок, обязательное производство видеозаписи, оформление протокола с непривычным отсутствием подписей участников следственного действия, отсутствие сложившейся в этом направлении практики и другие сопутствующие факторы часто вынуждают следователей отказываться от выбора такого варианта производства следственного действия.

Если до появления в уголовно-процессуальном законодательстве нормы о производстве ряда следственных действий с использованием видеоконференцсвязи представлялось, что данная дистанционная технология станет активно востребованной альтернативой «традиционной очной» форме, отодвинув на крайний план производство следственных действий по поручению в порядке ст. 152 УПК РФ, то после дополнения УПК РФ ст. 189¹ в случае необходимости участия в следственных действиях лиц, находящихся вне места производства предварительного следствия, следователи предпочитают выполнить более важные следственные действия лично, а менее важные организовать по поручению в порядке ст. 152 УПК РФ. Редкое использование возможностей дистанционного допроса обусловлено не только наличием некоторых процессуальных неопределенностей, но и организационными сложностями, что отмечается исследователями с учетом практических сведений [16, с. 2]. Следователю в большинстве случаев проще направить в другой следственный орган поручение о проведении следственного действия со списком вопросов к допрашиваемому лицу и дождаться получения готового протокола допроса, чем выполнять громоздкий и недостаточно отработанный механизм дистанционного проведения этого допроса [17, с. 18].

Выводы. Заключение

Производство допросов, очных ставок и опознаний с использованием видеоконференцсвязи в настоящее время носит единичный характер, постепенно формируя следственную практику с учетом региональных особенностей. Вместе с тем данное направление имеет значительный потенциал развития. Можно обоснованно выразить согласие с мнением исследователей данного направления в том, что совершенствование дистанционных технологий и развитие правовых положений в перспективе будут способствовать значительному упрощению процедуры использования видеоконференцсвязи с повышением возможностей верификации действий участвующих лиц и безопасной передачи данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24 июня 2023 г.).
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18 марта 2023 г.).
5. Волеводз А. Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференцсвязи // Военно-юридический вестник Приволжского региона : сб. науч. тр. Самара : Изд-во Сам. гуманитар. акад., 2003. Вып. 1. С. 70—96.
6. Халиулин А. Г., Кебеков Т. М. Взаимодействие правоохранительных органов в сфере международно-правового сотрудничества // Законность. 2011. № 7. С. 29—31.
7. Арестова Е. Н., Борбат А. В. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве: проблемы внедрения // Российский следователь. 2021. № 7. С. 16—20.

8. Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 125—136.

9. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 214—224.

10. Борисевич Г. Я. О развитии межотраслевого института, регулирующего применение электронно-информационных технологий в уголовном судопроизводстве России // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 610—617.

11. Селина Е. В. Проблемы использования средств видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2015. № 4. С. 33—36.

12. Проект от 1 июня 2021 г. № 1184595-7 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

13. Пояснительная записка к проекту от 1 июня 2021 г. № 1184595-7 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

14. Афанасьева С. И., Добровлянина О. В. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 349—377.

15. Россинский С. Б. О практике разграничения вещественных доказательств и приложений к протоколам «невербальных» следственных действий // Библиотека криминалиста. 2015. № 2(19). С. 374.

16. Новиков С. А. Фиксация показаний допрашиваемого в ходе предварительного расследования: актуальные вопросы // Российский следователь. 2023. № 5. С. 2—6.

17. Грачев С. А. Проведение следственных действий с применением видео-конференц-связи: поправки внесены, эффективность под вопросом // Российский следователь. 2022. № 9. С. 18—22.

REFERENCES

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on August 4, 2023). (In Russ.)

2. Federal Law of March 20, 2011 No. 39-FZ “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. (In Russ.)

3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on June 24, 2023). (In Russ.)

4. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on March 18, 2023). (In Russ.)

5. Volevodz A. G. Legal foundations of mutual legal assistance in criminal cases using videoconferencing. *Voенно-yuridicheskiy vestnik Privolzhskogo regiona = Military-legal bulletin of the Volga region. Collection of scientific works*. Samara, Samara Humanitarian Academy publ., 2003;1:70—96. (In Russ.)

6. Khaliulin A. G., Kebekov T. M. Interaction of law enforcement agencies in the field of international legal cooperation. *Zakonmost` = Legality*. 2011;7:29—31. (In Russ.)

7. Arestova E. N., Borbat A. V. Digital technologies in criminal proceedings: problems of implementation. *Rossiiskii sledovatel` = Russian investigator*. 2021;7:16—20. (In Russ.)

8. Antonovich E. K. The use of digital technologies when interrogating witnesses at the pre-trial stages of criminal proceedings (comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the legislation of some foreign states). *Aktual`nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2019;6:125—136. (In Russ.)

9. Maslennikova L. N., Sushina T. E. Experience of digitalization of criminal proceedings in the Federal Republic of Germany and the possibility of its use in the digitalization of criminal proceedings in Russia. *Aktual`nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2020;6:214—224. (In Russ.)

10. Borisovich G. Ya. On the development of an intersectoral institute regulating the use of electronic information technologies in criminal proceedings in Russia. *Permskii yuridicheskiy al`manakh = Perm Legal Almanac*. 2019;1:610—617. (In Russ.)

11. Selina E. V. Problems of using videoconferencing in criminal proceedings. *Administrator suda = Court's Administrator*. 2015;4:33—36. (In Russ.)

12. Draft of from June 1, 2021 No. 1184595-7 of the Federal Law “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.” (In Russ.)

13. Explanatory note to the draft of June 1, 2021 No. 1184595-7 of the Federal Law “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. (In Russ.)

14. Afanasyeva S. I., Dobrovlyanina O. V. On the implementation, development, improvement of electronic methods of collecting evidentiary information in criminal cases. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2023;2:349—377. (In Russ.)

15. Rossinsky S. B. On the practice of distinguishing between physical evidence and attachments to protocols of “non-verbal” investigative actions. *Biblioteka kriminalista = Criminologist Library*. 2015;2(19):374. (In Russ.)

16. Novikov S. A. Recording the testimony of the interrogated during the preliminary investigation: current issue. *Rossiiskii sledovatel` = Russian investigator*. 2023;5:2—6. (In Russ.)

17. Grachev S. A. Conducting investigative actions using video conferencing: amendments have been made, effectiveness is in question. *Rossiiskii sledovatel` = Russian investigator*. 2022;9:18—22. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 14.09.2023; принята к публикации 23.10.2023. The article was submitted 20.08.2023; approved after reviewing 14.09.2023; accepted for publication 23.10.2023.